Всемирная история одной еврейской семьи

Глава 7: «Этот день мы приближали, как могли…»

Все главы

Мой отец в годы войны, г.Бузулук, 1941 г.

В двух предыдущих выпусках я начал рассказ о судьбе Соломона, старшего сына Зейберов. Осенью 1917 г. он ушёл из родительского дома в Петрограде в неизвестность и «пропал» на долгие шесть лет. Это было суровое время Гражданской войны, разрухи, хаоса и смятения душ. Как позже выяснилось, за это время Соломон сменил имя и фамилию на Сулейман Зеирбек, под этим именем он служил в армии Азербайджана, но в 1920 г. был взят в плен Красной армией. Позже он оказался в Нижнем Новгороде, женился, в семье было трое детей. Но постоянная опасность разоблачения, как участника белого движения, превратила всю его дальнейшую жизнь в сущий ад и постоянное бегство от ОГПУ-НКВД. С 1940 г. он вместе со второй женой Татьяной и двухлетним сыном жил в г. Орске на Урале и работал в местном драматическом театре им. Октябрьской революции.

Когда началась Отечественная война, многие мужчины, актеры и сотрудники театра, были призваны в Красную армию, и театр практически прекратил своё существование. Али-бек Заир-Бек не был призван в армию по возрасту и состоянию здоровья: ему было уже 43 года и у него был целый «букет» болезней, «заработанных» еще в Гражданскую войну. Вскоре на Урал стали прибывать эшелоны с эвакуированными промышленными предприятиями и учреждениями, с оборудованием и персоналом. Оказавшись в Орске без работы, мои родители решили переехать в другой город Чкаловской (ныне – Оренбургской) области, в Бузулук, крупный железнодорожный узел, где шло формирование воинских частей, спешно строились заводы, размещались госпитали для раненых. В годы войны в Бузулуке выпускали продукцию для фронта пять промышленных предприятий, эвакуированных из западных районов страны, были сформированы три дивизии Красной армии, Первый Чехословацкий отдельный пехотный батальон под командованием генерала Людвика Свободы, Польская армия генерала Владислава Андерса и др. Любопытно, что отец был лично знаком с генералом Свободой.

Чехословацкие солдаты в городе Бузулуке, 1942 г.

Медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941-1945»

Медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941-1945»

Свободного жилья в городе практически не было, а население быстро росло за счёт эвакуированных. Людям пришлось в тяжелейших условиях заново налаживать быт. В Бузулуке спешно стали возводить постройки «облегчённого типа» – землянки, бараки и саманные дома. Али-бек Заир-Бек, как театральный режиссер, был прикомандирован к политотделу военной комендатуры, ему было поручено заниматься формированием бригад артистов и организацией их выступлений. Эти концертные бригады только за два первых года войны дали в воинских частях, на аэродромах, в госпиталях, в рабочих и сельских клубах, паровозных депо сотни концертов для раненых бойцов и командиров Красной армии, солдат, отправляющихся на фронт, для тружеников тыла. Если вспомнить, что в те годы телевидения еще не было, то станет ясным, что встречи с «живыми» артистами были чрезвычайно важны для поднятия боевого духа у бойцов, тружеников заводов, фабрик, сёл. За эту героическую шефскую работу по помощи Красной армии Али-бек Заир-Бек был награждён медалями.

Сказать, что с продуктами питания было сложно, это ничего не сказать. Жили впроголодь, и тогда на семейном совете было принято решение, что отец останется в Бузулуке, а моя мама, на руках которой были ее престарелые родители и трехлетний сын, то есть я, переедут в расположенное в 160 км от Бузулука большое село Илек, на одноименной реке, при ее впадении в Урал. Была надежда, что «поближе к земле» удастся как-то прокормить семью из четырех человек.

Мама стала работать в местном колхозе, получала что-то на трудодни, бабушка шила из своих старых платьев детские чепчики, шапочки и распашонки, которые мама обменивала у крестьян на продукты, какие-то деньги присылал отец из

Бузулука. Как-то сводили концы с концами… Особенно трудно было зимой. Климат в тех краях доволно суровый: летом очень жарко, а зимы – снежные, морозные. Надо было топить русскую печь, заготавливать дрова на зиму, уголь достать было почти невозможно. Когда из Бузулука ненадолго приезжал папа, они с мамой целыми днями двуручной пилой на специальных козлах пилили большие брёвна, а я им «помогал». Затем отец топором рубил отпиленные поленья на дрова для печи. Оба они, городские жители, не были привычны к такой работе, но нужда заставила, и получалось, видимо, неплохо.

С отцом, с.Илек, февраль 1942 г.

Заготовка дров на зиму, с.Илек, 1942 г.

Наводнение на р. Урал, с.Илек Оренбургской обл., март 1942 г

Врезался в память яркий эпизод, когда почтальон принес письмо с известием о гибели моего старшего брата, от первого брака отца. Сводный брат Измаил, которому было только 18 лет, погиб под Москвой в декабре 1941 года, а письмо об этом от бывшей жены отца Феты пришло в Илек в январе или феврале 1942 г. Тогда я впервые увидел, как мой строгий и даже суровый папа горько плачет… Это письмо отец сохранил, а после его смерти бережно храню его я…

Смутно помню страшное наводнение на реке Урал весной 1942 года. О его масштабах говорит и сохранившаяся фотография. Отец привёз меня на лодке, поставил на крышу затопленного сарая и сделал своим фотоаппаратом очень удачный снимок…

В начале войны в Бузулук был эвакуирован харьковский музыкально-драматический театр им. Кропивницкого. Артисты этого театра участвовали в работе концертных бригад, выступавших перед бойцами Красной армии в Бузулуке. Они пели задушевные украинские песни, танцевали, читали стихи Шевченко и советских поэтов. А вскоре после того, как Харьков в августе 1943 г. был освобожден от

немецкой оккупации, театр был назначен к реэвакуации и начал собираться в дальнюю дорогу. Отец решил с этим театром ехать в Украину. Может быть, снова задумал очередное «бегство». Поздней осенью 1943 г. мы долго, несколько недель, ехали эшелоном с Урала в Харьков. Хорошо помню нашу теплушку с железной печкой посередине. Помню и виды из маленького окошка – голые трубы посреди полей. Но прибыли мы не в Харьков, а в райцентр Волчанск Харьковской области, потому что в Харькове не осталось ни одного уцелевшего театрального здания, где можно было бы играть спектакли, а в Волчанске полусохранившееся здание клуба нашлось…

Всё же весной 1944 г. мы переехали в Харьков и поселились в коммунальной квартире в большом доме на улице Красных писателей, который носил название Дом «Слово», потому что в нем были квартиры украинских писателей и поэтов. С этим домом связано у меня очень яркое детское воспоминание. Вечером 8 мая 1945 г. по радио несколько раз объявляли, что вскоре будет важное правительственное сообщение. Было уже поздно, и родители отправили меня спать. Я заснул, но вскоре после полуночи проснулся от страшного шума и криков. Оказывается, только что по радио Юрий Левитан своим необыкновенным голосом объявил о Победе, а офицеры, проживавшие с семьями в доме через дорогу, устроили импровизированный салют, стреляя в воздух из личного оружия прямо из открытых окон. Было всеобщее ликование, жители нашего и соседних домов выбежали на улицу, все обнимались, целовались, плакали, смеялись, «качали» офицеров…

Али-бек Заир-Бек, 1948 г.

Сразу после войны отец начал искать через Красный Крест свою сестру Сусанну. Он полагал, что она была эвакуирована из Ленинграда вместе с Публичной библиотекой, где работала до войны, но оказалось, что она оставалась в городе, пережила блокаду и даже живёт по старому адресу. Вскоре он выехал в Ленинград, где встретился с сестрой после долгих лет разлуки.

ФІЗКУЛЬТУРНИЦЯ
З ПРИЗОМ

Али-бек Заир-Бек на выставке работ Скульптурной фабрики, Харьков, 1948 г.

После переезда в Харьков из Волчанска отец был назначен замначальника Областного отдела искусств, занимался возрождением харьковских театров, художественных и музыкальных школ, вузов и других учреждений культуры, возвращающихся из эвакуации на Восток страны. Затем он организовывал в Харькове Театр юного зрителя, который, к сожалению, так и не открылся из-за прекращения госфинансирования. Потом некоторое время он работал художественным руководителем Скульптурной фабрики, а с 1950 г. возглавил Харьковский областной театр.

Работа в Областном театре была очень сложной: не получая дотации от государства, театр должен был существовать на самоокупаемости. Всё это осложнялось тем, что театр не только играл на стационарной сцене в городе, но и постоянно ездил по области. Нужно было оплачивать транспорт, гостиницы, суточные и т.п. Но отец как-то умел „сводить концы с концами“, не забывая о творческой работе, подборе репертуара, актёров, режиссёров, художников.

Возле здания Областного театра, Харьков, 1951 г.

Летом 1955 г. произошёл ещё один эпизод, характеризующий страх, постоянно преследовавший моего отца. Окончив школу с золотой медалью, я без труда поступил в Харьковский университет на радиофизический факультет. Но буквально через неделю из приемной комиссии пришло письмо, в котором практически без указания причины сообщалось о том, что я отчислен. Отец сказал: «Это всё из-за Симеиза». Дело в том, что в его паспорте образца 1954 г. Симеиз Крымской губернии был указан как место его рождения. Поэтому он и имел в виду, что отчисление произошло из-за его якобы крымско-татарского происхождения. В этот день из-за волнений я долго не мог заснуть и видел, что на письменном столе отца долго горела лампа, а он сам перебирал какие-то документы. Утром я увидел на столе металлический поднос с горкой пепла и сожженной бумаги и обнаружил, что из семейного альбома исчезли детские и юношеские фотографии отца. Какие ещё документы он уничтожил, мне не известно. Надо сказать, что в семье от меня тщательно скрывали еврейское происхождение отца, о многом я узнал уже после его смерти, от матери и от тёти…

С актерами Областного театра, Донбасс, сентябрь 1955 г.

В августе 1955 г. отец отдыхал и лечился в Пятигорске. В сентябре и октябре Областной театр был на гастролях в Донбассе, отец побывал с театром в нескольких городах. Утром 7 ноября 1955 г. он был на праздничной демонстрации на центральной площади Харькова, потом вместе с мамой – в гостях у друзей, часам к 11 вечера пришёл домой. Вдруг ему стало плохо, он схватился за сердце, упал и умер у меня на руках. Диагноз – кровоизлияние в мозг.

Театральный деятель Али-бек Заир-Бек был похоронен со всеми почестями на кладбище №2 в Харькове.

Могила Али-бека Заир-Бека и его жены на харьковском кладбище №2

Автор: Якуб Заир-Бек, (продолжение следует)
фотографии из семейного архива

Предыдущая глава

Следующая глава